

«Трудности перевода»: переводчики и толмачи как посредники культур на южноуральском порубежье Российской империи в XVIII веке

Я. В. Осипова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Проблема взаимодействия имперского центра и периферии, в целом культурных контактов в полиэтничных областях имеет множество аспектов, одним из которых является языковой. Традиционно территория Южного Урала — зона тюркоязычная. Не имея собственной письменности, наиболее многочисленные группы из имеющейся этнической «мозаики»: башкиры и казахи — пользовались чагатайским тюрки, что объединяло их с населением Средней Азии и части Востока. Культурными посредниками между российским центром и интегрируемыми общностями выступали переводчики и толмачи, осуществляющие непосредственные контакты администраторов как с правящими кругами этносов, так и с основным населением. Данное исследование представляет собой попытку обращения к феномену «посредников культур» с историко-культурной точки зрения. Задачами статьи было выявление социальных характеристик данных категорий, особенностей их функционирования и участия в жизни региона. На основе источников был составлен поименный список переводчиков и толмачей XVIII в., анализ данных которого позволил сделать предварительные замечания об этнической принадлежности, социальном статусе, географии службы «посредников» между российской администрацией и представителями местных этнических групп. Работа по пополнению списка будет продолжена.

Ключевые слова: империя, интеграция иноязычных территорий, культурные контакты, переводчики, толмачи, Южный Урал XVIII в.

Российская многонациональная империя в ходе своего территориального расширения помимо проблем, связанных с административным строительством, хозяйственной, социальной, конфессиональной интеграцией окраинных регионов, вынуждена была решать вопросы более прозаические. Связаны они были с языковым «пониманием» представителями российской администрации на местах «новых» и «старых» подданных¹. Посредниками во время контактов и проводниками проводимой Россией политики выступали переводчики и толмачи.

Переводчиками являлись специалисты, занимающиеся устными и письменными переводами информации с одного языка на другой. Толмачами традиционно именовали людей, понимающих устную речь населяющих Российскую империю этносов и способных устно ее перевести на русский язык. Если переводчиками являлись исключительно государственные служащие, утверждавшиеся в штат при провинциальных канцеляриях

Коллегией иностранных дел, в более позднее время — Оренбургским военным губернатором, то толмачи могли и не состоять в штате. Секретари и составители посланий при казахских ханах так же в штате не состояли и именовались писарями или толмачами, несмотря на владение письменной культурой.

Из-за постоянной нехватки специалистов, письма могли читать абызы или муллы, с речи которых переводили толмачи и уже записывали писари. Примерами часто встречающихся формулировок являются: «татарское письмо читал абыз Саит Семенов. На русский язык толмачил толмач Иван Дураков», «переводил ахун Мансур Абдрахманов и по-татарски подписался», «переводил мещеряк Надырь-мулла Ханмурзин через толмача Федора Найденова»².

Источниками для изучения категории переводчиков и толмачей в данном исследовании являлась делопроизводственная документация российской администрации³, письма степных казахских

¹ Под «старыми» подданными прежде всего понимаются башкирские племена, вошедшие в состав России в конце XVI — начале XVII вв., под «новыми» — казахские жузы, включаемые в зону влияния империи с 1730-х гг.

² Материалы по истории Башкортостана. Т. 6 / сост. Н. Ф. Демидова; под ред. Н. В. Устюгова. Уфа, 2002. № 157, 163, 204.

³ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 3—5 / сост. Н. Ф. Демидова. Москва, 1949—1960; Материалы

правителей¹, материалы дневников служебных поездов по Степи самих переводчиков или глав миссий². Значительная их часть опубликована на русском языке, часть ждет своего исследователя в архивах Москвы, Оренбурга, Казахстана. Имеются факсимиле оригинальных текстов³, синхронные переводы, которые позволяют специалистам из Башкортостана, Татарстана, Казахстана судить о точности и качестве осуществляемых переводов, наличии искажений в передаче информации.

Источники личного происхождения представлены трудами администраторов и руководителей края — П. И. Рычкова и И. И. Неплюева, в которых упоминаются имена наиболее авторитетных и востребованных переводчиков XVIII в.⁴

Информация об исследуемой социальной группе в указанных хронологических рамках в научной литературе фрагментарна и разрозненна. Отдельные работы посвящены самому известному «посреднику», начинавшему с переводческой деятельности и в конце своей карьеры претендовавшему на должность губернатора Оренбургского края — Алексею Ивановичу Тевкелеву (Кутлу-Мухаммед Мамешевичу) [Ерофеева, 1999]. В отношении остальных переводчиков можно констатировать наличие кратких упоминаний в комментариях к сборникам документов и в редких случаях — статей в национальных энциклопедиях. Имеются интересные исследования, посвященные изучению категорий толмачей и переводчиков периода приказной системы к. XVI—XVII вв. [Кукенков, 2003]. Следующий блок работ охватывает хронологический период уже с конца XVIII — начала XIX вв. Ведущими специалистами в данной области можно считать авторов из Казахстана И. Ерофееву и Г. Султангалиеву. Ириной Викторовной Ерофеевой была проделана колоссальная работа по выявлению и публикации источников по истории Степи и был составлен список писарей казахских ханов и султанов с середины XVIII до первой половины XIX в. (17 персоналий по интересующему нас периоду) [Ерофеева, 2014,

по истории Башкортостана. Т. 6...; Материалы по истории Казахской ССР. Т. 2 / под ред. М. П. Вяткина. Алма-Ата, 1948; Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. / под ред. В. Ф. Шахматова. Алма-Ата, 1961.

¹ Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675—1821 гг. : сб. док. : в 2 т. / сост. И. В. Ерофеева, Алматы, 2014.

² История Казахстана в русских источниках XVI—XX вв. Т. 3, 6. / сост. И. В. Ерофеева. Алматы, 2005, 2007.

³ Эпистолярное наследие казахской правящей элиты...

⁴ Неплюев И. И. Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693—1773). Санкт-Петербург, 1893; Рычков П. И. История Оренбургская по учреждению Оренбургской губернии. Уфа, 2001.

с. 615—616]. Данная информация была учтена в данном исследовании при составлении общего алфавитного списка переводчиков и толмачей, работавших на территории Оренбуржья и в казахских степях (см. Приложение, всего 123 персоналии). Гульмира Салимджановна Султангалиева обращалась к проблеме переводов и переводчиков периода конца XVIII — начала XIX вв., а также рассматривала процессы инкорпорации в российскую административную систему представителей, включенных в состав империи этносов [Султангалиева, 2005].

В статье предпринимается попытка обращения к достаточно интересной междисциплинарной проблеме бытования языковых «посредников», которые для историков на протяжении более чем двух веков оказывались как бы «невидимыми». Имена переводчиков, толмачей, писарей мы видим на значительной части внутренней документации порубежного края. В то же время о них практически ничего не известно, они не становились героями специальных изысканий. При фронтальном рассмотрении опубликованной делопроизводственной документации в данной работе анализировались краткие данные конечного протокола переводов. Это, как правило, сведения об имени, должности, реже — этнической принадлежности, чине, духовном звании. Составление сводной таблицы (см. Приложение) позволило выявить ряд наиболее «загруженных» переводческой деятельностью специалистов, определить годы и место их службы, проследить продвижение по служебной лестнице (от толмача к переводчику и в редких случаях — далее).

Проблемы перевода внутренней и внешней документации

При всем этническом многообразии Южный Урал и казахские степи являлись преимущественно зоной тюркского культурного и языкового типа. Характерной чертой при этом было отсутствие у населяющих этносов собственной адаптированной к языку письменности и использование широко распространенного на Востоке и в Азии среднеазиатского (чагатайского) тюрки [Бейсембиев, 2007, Хисамова, 1999].

Письменный среднеазиатский тюрки служил важным средством информационного обмена во всех культурах Волго-Уральского, Сибирского, Центрально-азиатского регионов и являлся около четырех столетий общим литературным языком для татар, башкир, казахов, узбеков, киргизов, уйгуров. Имея свои разговорные языки, данные этносы пользовались единой письменной системой. В меньшей степени применялось литературное

ойратское письмо (например, в переписке ханов Среднего жуза с российской администрацией)¹.

Необходимо так же отметить, что помимо проблем, связанных с переводом устной речи на неадаптированную письменную, определенные сложности для переводчиков в начале изучаемого периода были связаны с тем, что сама русская письменная делопроизводственная культура находилась в процессе реформирования из-за введения гражданского шрифта и создания вместо приказной коллегиальной системы управления, что влекло за собой новые правила составления документов, использование новых формулировок.

От профессиональных навыков «посредников» зависело достаточно много как на бытовом уровне, так и на уровне внутренней и внешней политики. Советский исследователь Усманов утверждал: «При документальных переводах официальных государственных бумаг квалифицированные толмачи-переводчики должны были передавать не только точное лексическое значение слов, фраз, но также были обязаны отражать реальное содержание специальных терминов, намёки, общий тон посланий в целом» [Усманов, 1979]. В условиях полиэтничного, поликонфессионального, зачастую конфликтного порубежья это являлось не легкой задачей.

Интересные данные можно получить благодаря лингвистическим изысканиям и современным переводам сохранившихся в архивах документов на тюрки. Известное послание хана Абулхайра 1730 г. Анне Иоанновне в переводе Мустафы Турченинова выглядело следующим образом: «...ныне желаю быть со всем моим владением в.и.в. в подданстве. Того ради... милостивым указом нас под протекцию в.и.в. милостиво указать принять и с подданными в.и.в. с аральскими башкирцами, нам милостиво указать в миру и в соединении быть. О сем всеподданнически прошу я, Эбулхайр-хан, с подданными своими старой и малой статьи, с сорока тысяч человек казаками желаем под протекцию в.и.в. в согласии быть с подданными аральскими башкирцами»².

Тот же документ в современном переводе Т. К. Бейсембиева: «Мы, Абу-л-Хайр-хан, вместе с 40 санам казахов Среднего и Младшего жузов, моими <...> подданными преклоняем свои головы и готовы исполнить ваше повеление. Просим вас установить мир [между нами] и вашими рабами — уральскими башкирами. Мы будем послушны вашему повелению»³. Можно согласиться

с мнением В. В. Трепавлова о том, что представители правящей элиты казахов рассматривали отношения с Российской империей как взаимовыгодный военно-политический союз под мало обязывающим патронатом более сильного «белого царя», а не как вечное подданство [Трепавлов, 2007, с. 164.]. Ерофеева, опубликовавшая факсимиле и различные варианты переводов одних и тех же текстов, пишет: «В отличие от казахских правителей служители имперских и провинциальных канцелярий интерпретировали многословные формулы таких обращений совсем иначе и потому переводили их на русский язык привычным словом “подданство”» [Ерофеева, 2014, с. 56—57]. В узком смысле слова языковые, в широком — ментальные отличия между представителями Империи и Степи проявились уже на уровне переводов посланий.

Не обладая компетенциями изучения переводов с лингвистической точки зрения, с исторической позиции можно предположить, что данные документы (документы, имеющие отношение к «болезненным» вопросам, например, к проблеме подданства) могут получать новые прочтения в рамках последующих периодов и новых парадигм.

Качество осуществляемых письменных переводов в целом обращало на себя внимание лингвистов-тюркологов. Так, в научной литературе отмечается, что до начала 40-х гг. XVIII в. переводы писем казанской знати осуществлялись преимущественно выходцами из служилых татар торговых слобод Казанской и Сибирской губерний. Они владели чагатайским тюрки, но плохо знали русский язык. В связи с этим многие переводы указанного периода отличались неправильными оборотами речи, запутанными лексическими конструкциями. Компетенция переводчиков и толмачей последующих периодов в связи с открытием школ, по мнению ряда специалистов, заслуживает высокой оценки [Хисамова, 1999].

Следует отметить неравноценность качества переводов и востребованность отдельных специалистов. Так, И. Е. Ерофеевой был проведен подсчет численности казахских документов, подготовленных разными переводчиками за одни и те же годы, что выявило факт наиболее частого привлечения в 1760-е гг. к подобной работе лучшего на то время специалиста — Якува Гуляева, перу которого принадлежит более 120 добротных текстов. В 70—80-е гг. переводы ханов Младшего и Среднего жузов доверялись Мендияру Бекчурину. Другим авторитетным переводчиком был выходец из солдатских детей, в будущем надворный советник Андрей Федорович Васильев (1743 — после 1803), который часто посылался в ставки

¹ Эпистолярное наследие казахской правящей элиты... С. 289, 332, 367.

² Там же. С. 107.

³ Там же. С. 106.

ханов и султанов и получал награды за службу в виде денежных премий и подарков. Помимо данных имен переводы неоднократно выполняли в Оренбурге — коллежский советник Петр Чучалов, переводчик Леонтий Прасолов, в Омске — выходец из тобольских служилых татар старший толмач Сибирской войсковой канцелярии Маметияр Кучеяров [Ерофеева, 2014, с. 66].

Выполняемые переводчиками и толмачами функции

Политические процессы, заключавшиеся в наращивании административных ресурсов и присутствия России в Степи в достаточно нестабильной и беспокойной обстановке, делали необходимым существование такой функциональной группы, как служащие толмачи и переводчики.

Круг задач, формулируемый центральными и местными администраторами перед переводчиками, был чрезвычайно обширен. Начиная с миссий в переднеазиатские, среднеазиатские государства, принятия присяг о подданстве от казахов и каракалпаков, участия в качестве командиров подразделений в подавлении выступлений этнических групп, заканчивая собственно канцелярской работой.

Дипломатические миссии поручались наиболее опытным и заслуживающим доверия лицам. Это прежде всего А. И. Тевкелев, М. Бекчурин, Я. Гуляев. Анализ сохранившихся наставлений позволяет говорить о способности решать вопросы, выходящие за пределы компетенций переводчиков в современном понимании функционала представителей данной профессии. Так, наставление Якову Гуляеву от 1767 г. содержит в себе такие пункты, как объяснение смысла и направленности последних указов правительства, ознакомление этнической элиты с происходящими в империи внутри и внешнеполитическими событиями. Особо оговаривалось, как следует подавать информацию: в ордах должны были осознавать, что единственной целью российской администрации является благо новых подданных и поддержание мира. Где бы ни находились представители русской администрации, им предписывалось узнавать о наличии русских пленных и добиваться их освобождения¹.

Переводчики как представители российской власти могли наделяться судебными функциями. Заключались они в проведении расследований и организации суда по спорным вопросам между калмыками, казахами, башкирами и казаками².

Разведывательные функции также ложилось на плечи «посредников» в случае их отправления в

иноязычные окраинные области. Гуляеву предписывалось: «Разведать, какого качества дети хана Ишали и Пирали, не предпочитает ли народ братьев их от Эрали, кто именно у Эрали Наичувак салтана есть дети мужского полу, какого качества, настроение народа по этому поводу»³. Писари и толмачи при казахских ханах и султанах тайно получали от русской администрации жалование за информирование. Так, находящийся при хане Нурали в писарях татарин А. Нурмухаметов получал в год по 15 руб.⁴ Им была выдана переписка казахов с зюнгорскими владельцами, которая велась тайно от российской стороны. Писарям при Аблае, Айчуваке было назначено жалование по 12 руб. в год⁵.

Толмачи и переводчики оказывались в прямом смысле посредниками, так как передавали информацию, которую открыто администраторы сообщать не могли в силу политических или этических соображений. Так, во время волнений 1755 г. губернатор И. И. Неплюев своих канцелярских служащих использовал для распространения неофициальной информации. Впоследствии он писал: «Велел я переводчикам, чтоб они от себя сами советовали: “Генералу ехать вам [башкирам] позволить нельзя, а если вы поедите и киргизов разобьете, то вас наказывать не буду”»⁶. Речь идет о так называемом «восстании Батырши», в ходе которого часть башкир перешла с семьями на земли казахов и там по «разрешению» того же Неплюева была разорена. После этого башкиры обращались за помощью к губернской администрации, чтобы добиться возвращения жен и детей и получить отпущение за грабеж от своих бывших союзников. Киргизской стороне официально сообщалось, что переходы через линию башкир — результат политики самих казахов, решивших принять у себя бунтовщиков, что «унимать» башкир оренбургская администрация не имеет возможностей.

В век Просвещения особое значение придавалось сбору сведений общеисторического, экономического, географического плана о населяющих империю и соседние территории этносах. Первыми исследователями часто становились те, кто знал местные языки. Так, еще в 1723 г. посланный в Бухару курьером и переводчиком уфимский татарин Максут Юнусов составил 4 письма, в которых сообщал сведения о среднеазиатских, казахских ханствах, делал описание

³ ГАОО. Ф. 3. Оп 1. Д. 88. Л. 100.

⁴ Крафт И. И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898. С. 28.

⁵ Там же. С. 89.

⁶ Неплюев И. И. Записки Ивана Ивановича Неплюева... С. 158, 225

¹ ГАОО. Ф. 3. Оп 1. Д. 88. Л. 96.

² ГАОО. Ф. 3. Оп 1. Д. 88. Л. 96—97

жизни каракалпаков, их обычаев и нравов. Переводчик Мендияр Бекчурин стал автором первого в России рукописного «Русско-арабско-персидско-мещерско-киргисско-хивинско-бухарского глоссария». Позднее этот словарь будет использован академиком П. С. Палласом в «Сравнительных словарях всех языков и наречий»¹.

Одной из выполняемых функций являлось обучение грамоте представителей этнических элит и подготовка будущих толмачей и переводчиков. Так, А. Бакметев обучал чагатайскому тюрки в Орской крепости сыновей хана Абулхаира Ералы и Кожаметта, когда они находились там в качестве аманатов². В условиях недостатка образованных кадров и отсутствия специальных учебных заведений переводчикам вменялось в обязанность заниматься с учениками, готовить себе приемников. Переводчикам при Оренбургской губернской канцелярии полагалось иметь по 10 учеников, а Ставропольской провинциальной канцелярии — по 50. Однако учебный процесс часто прерывался из-за востребованности и частых командировок специалистов [Веселовский, 1879, с. 7].

Важность выполняемых функций определяла то обстоятельство, что «посредники» подбирались очень тщательно. Имело значение не только практическое знание языков, но и принадлежность к тому или иному роду, способности, религия, умение договариваться. Однако основным условием была благонадежность.

Социокультурная характеристика переводчиков и толмачей

Анализ данных касательно этнической принадлежности изучаемой группы позволяет сделать вывод о том, что изначально доминировал этнос, включенный в зону влияния империи ранее всего — это казанские татары. Далее по численности следовали сибирские татары, башкиры, мишари. Казахской элитой в качестве толмачей и писцов в первой половине столетия брались выходцы из духовенства Средней Азии, с середины столетия — поволжские татары, башкиры, мишари.

Этническая принадлежность, как следует из вышеприведенных данных, абсолютно не была препятствием к занятию должности при пограничной администрации. Наоборот, этническая и конфессиональная «близость» переводчика или толмача к местному населению считалась залогом

¹ Паллас П. С. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницей Всевысочайшей особы императрицы Екатерины II. Санкт-Петербург, 1787—1789.

² Материалы по истории Казахской ССР. Т. 2. № 50. С. 148.

успеха планируемого мероприятия. Отношение к данному вопросу начинает меняться к концу столетия. Так, известно об обращении оренбургского губернатора в Сенат в 1770-х гг. с мнением, что набирать в ученики «татарскому языку» более разумным будет не инородцев, а русских [Веселовский, 1879, с. 8]. В целом ориентация на русификацию будет характерна уже для XIX в.

Конфессиональная принадлежность была важным, но не решающим фактором для российской администрации. Доказательством этому служит тот факт, что внешнеполитическая деятельность в регионе в решающие 30—40-е гг. во многом определялась мусульманином Тевкелевым. На его личных связях, дружеских отношениях с Абулхаиром и султанами держалось хрупкое подданство казахов. Толмачами достаточно часто выступали муллы и абызы. В ходе количественного анализа имеющихся данных было определено, что они составляли около 18 % от рассматриваемой категории (См. Приложение). В Екатерининскую эпоху татарские муллы стали восприниматься как проводники проводимой Россией политики в Степи, что объясняет начавшуюся легитимизацию ислама: создание Оренбургского магометанского духовного собрания, издания печатных Коранов, появление института «указных» мулл.

В то же время именно вера во-многом не позволила А. И. Тевкелеву стать после И. И. Неплюева губернатором. Тевкелев был первым в Российской империи генералом-мусульманином, «птенцом гнезда Петрова». Он руководил юго-восточным направлением внешней политики (объекты которой стали благодаря его стараниям объектами политики внутренней), с его мнением считались в Оренбурге и в Степи, ханы и султаны отказывались иметь дело с кем-то кроме него. Однако после отзыва И. И. Неплюева с должности губернатора главой огромного края был назначен далекий от пограничных дел человек, «чужой» для новых подданных, но «свой» для Петербурга «природный русский» А. Р. Давыдов. За этим последовало обострение русско-казахских отношений, просьбы Нурали и Аблая вернуть «дорогого мурзу». Возраст (около 85 лет), вероисповедание, критика в адрес сторонников проведения жесткой линии в политике по отношению к казахам не позволили в конечном счете вернуться генералу в южноуральский регион. Можно предположить, что, несмотря на осведомленность, заслуги и реальный авторитет Тевкелева, имперский центр не был готов назначить мусульманина на должность губернатора.

Имеются сведения, что продвижению по службе, переходу из категории толмачей в переводчики могло способствовать принятие христианства.

Примером может служить «карьерный рост» Николая Максютова — толмача из татарских мурз, который «за восприятие веры» был назначен в 1739 г. переводчиком в ранге подпоручика¹.

Имеющаяся источниковая база не позволяет, к сожалению, четко провести границу между категориями толмачей и переводчиков по признакам этнической, конфессиональной, социальной принадлежности. Известно, что толмачи могли переходить в ранг переводчиков. Так, из представленных в приложении персоналий перешедшие из одной категории в другую составляют 7 %. Случаев обратного «разжалования» не было выявлено.

Учтенные в Приложении толмачи, вероятнее всего, разделялись на две категории: находящиеся в штате провинциальных и губернских канцелярий и временно оказывающие услуги по переводу устной речи. Наиболее часто встречающиеся статусы: служилые татары, отставные солдаты, новокрещены. В связи с тем, что наиболее образованной частью интегрируемого населения являлись муллы и абызы, их процент в среде толмачей достаточно высок (18 %).

Интересной характеристикой данной социальной группы может послужить размер жалования. Он может быть оценен условно, на основании разрозненных данных. Известно, что при Екатерине II оплата труда «посредников» была увеличена. Для переводчиков она составляла 150 рублей, толмачей — 30 рублей, учеников — 15 рублей в год². Помимо этого, практиковалась система поощрений в денежном и натуральном эквивалентах. По крайней мере, переводчики внешнеполитических миссий за успешное выполнение заданий могли награждаться подарками и провизией.

Социальный статус переводчиков был достаточно высок, соответствовал рангу подпоручика. Наиболее авторитетные персонажи становились коллежскими, титулярными, надворными советниками. А. И. Тевкелев к концу карьеры являлся полковником, бригадиром, генерал-майором. П. Чучалов — правителем губернской канцелярии и секретарем Оренбургской экспедиции пограничных дел. Переводчиками становились представители аристократических родов, включенных в состав империи этносов. Согласно составленному Приложению, в общем списке переводчиков мурзы и князя составляют 12 %.

Проблема нехватки и подготовки профессиональных кадров

Одной из характерных особенностей интеграционного процесса на юго-востоке была постоян-

¹ РГАДА Ф. 248. Оп. 3. Кн. 142. Л. 12—13 об.

² ПСЗРИ. Т. 19. № 13489.

ная нехватка специалистов. Недостаток толмачей, с одной стороны, затруднял налаживание отношений с полиэтничным населением юго-восточной окраины империи, давал повод распространению всевозможных слухов в тех или иных намерениях российских властей, с другой стороны, обеспечивал возможность «провинившимся» в периоды этнических волнений ссылаться на недопонимание требований местной администрации.

Первым о необходимости изучения «мусульманских языков» заговорил начальник Оренбургской экспедиции И. К. Кириллов, который просил прислать ему нескольких человек из кадетского корпуса для обучения³. Ответ правительства на данную инициативу неизвестен. На огромную территорию Оренбургской губернии в границах изучаемого периода полагался крайне скромный штат переводчиков. Так, при Оренбургской губернской канцелярии, согласно данным за 1745 г., состояло всего 3 переводчика, 1 толмач и 10 учеников татарского языка.

В одном из башкирских посланий командиру П. И. Мусину-Пушкину в 1735 г. написано «От вас послан указ при старших наших людях, читать некому; еще по-татарски написан указ есть того читают, а толку не знают»⁴. То есть в значительной части письменные обращения могли быть непоняты или неверно истолкованы. Чтецами зачастую выступала единственная образованная категория — муллы, в случае их отсутствия приходилось за разъяснениями отправляться в провинциальные канцелярии.

Ситуация оставалась сложной и к концу столетия. Во внутренней документации Оренбургского пограничного суда констатировалась ситуация сложности преодоления языкового барьера, что становилось существенным препятствием для установления порядка в регионе. В связи с этим информация о поиске человека на должность переводчика становилась актуальной⁵. В частности, в переписке Пеутлинга с генерал-поручиком Уфимского наместничества написано: «По производимым у иноверных народов делам из числа оных почти каждый весьма мало знает российский разговор и через то делается в делах затруднение...»⁶

В материалах сенаторов М. Г. Спиридонова и И. В. Лопухина от 1800 г. написано: «В губернии Оренбургской, составленной из разных иновер-

³ Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Москва, 2018. С. 186.

⁴ Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. № 29. С. 64.

⁵ ГАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 33. Л. 9.

⁶ ГАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 14. Л. 9.

ных, российского языка не знающих народов, один только присяжный переводчик в губернском городе. Излишне распространяться о существенной надобности иметь оных больше и во всяком уездном городе, так же и о тех последствиях, законам и человечеству противных, которые произойти могут от неразумения языка. Губернское правление сделало распоряжение, положа в губернском городе содержать 2 переводчиков и приказав уездным и нижним земским судам завести оных из отставных чиновников, знающих татарский язык или из татар, выделяя на них деньги из суммы положенной на канцелярских служителей...»¹

В связи с нехваткой квалифицированных кадров следует рассмотреть проблему изучения языков и подготовки специалистов для российской администрации. До создания специальных школ были попытки обучения русскому языку жителей окраинных губерний. В конфессиональном плане Южный Урал находился в ведении Казанской и Тобольской епархий и именно духовному ведомству на первых порах поручалась организация языкового обучения. В 1735 г. указом было велено создать школы для некрещеных и крещеных жителей Поволжья: вотяков, мордвы, чуваш, черемис. Содержать их предполагалось из собираемых вечных памятей². По указу от 1740 г. в Казанской епархии предписывалось организовать четыре школы для детей из перешедших в православие инородцев. Данные меры не распространялись на жителей отдаленных башкирских и казахских территорий. Подобные начинания и в отношении Поволжья результатом не увенчались.

В 1740 г. при Оренбургской комиссии была открыта школа «татарских учеников» для русских и татарских детей, в которой начали готовить переводчиков и других мелких чиновников пограничной администрации. Эта школа функционировала до 1820 г. и подготовила большое количество переводчиков с чагатайского тюрки и разговорного казахского. Среди них наиболее известны: Яков Гуляев, Роман Уразлин, Усман Арасланов, Петр Чучалов, Леонтий Прасолов, Мендиар Бекчурин. Гуляев впоследствии возглавлял данное учебное заведение.

В 1764 г. был открыт татарский класс в Казанской гимназии, в Астраханской школе для солдатских детей было организовано преподавание 4 языков: арабского, татарского, армянского, калмыцкого [Веселовский, 1879, с. 26].

Первым специальным учебным заведением по подготовке переводчиков для пограничных гу-

берний стала в 1789 г. Азиатская школа в Омске. В ней было организовано преподавание татарского, монгольского, маньчжурского языков. Просуществовала она почти 80 лет (до 1870 г.) и внесла существенный вклад в подготовку специалистов. В Оренбургской губернии подобным заведением явилось Неплюевское военное училище, созданное только в 1824 г.

Для XVIII столетия большое значение имела практика обучения переводчиками назначенных учеников. Как уже было отмечено, при оренбургской канцелярии за специалистом могло числиться до 10 человек, однако из-за загруженности и командировок должного внимания обучающимся не уделялось. По представлению губернатора в июле 1760 г. на должность учителя языков был определен татарин, торговец Сеитовой слободы Р. Саинов с жалованием по 36 руб. в год³. Начиная с 1770-х гг., в делопроизводственной документации появляется указание на должность автора перевода — «татарский ученик». Таким учеником, в частности, был Данила Суханов⁴.

Значение личного фактора и характер службы

В проводимой российской стороной политике большое значение имел личный фактор. Для представителя традиционного общества посланец являлся практически олицетворением той стороны, от которой он был направлен. Российская администрация в качестве переводчиков и дипломатов часто утверждала тех подданных, которые по этнической, конфессиональной принадлежности были ближе к принимающей стороне. Так, Гладышев в своем представлении к вышестоящему начальству писал: «К посылке... за способного признаем уфимского пехотного батальона поручика князя Уракова, который родом уфимец и по-татарски говорить действительно умеет, и их все обычаи и нравы довольно знает»⁵. Абулхаир неоднократно заявлял, что хочет иметь дело только с людьми знакомыми, в частности, с Тевкелевым и Бекметевым: «Ежели он определён не будет, то киргиз-кайсацкая орда в состоянии быть не может, понеже легкомысленный народ так рассуждает, ежели б к ним была милость, то вышеописанного Тевкелева не отняли бы»⁶.

Нехватка специалистов, большое значение личного фактора объясняют наличие таких характерных особенностей службы переводчиков,

³ Крафт И. И. Сборник узаконений... С. 79—80.

⁴ Эпистолярное наследие казахской правящей элиты... С. 194

⁵ История Казахстана в русских источниках... С. 105.

⁶ Эпистолярное наследие казахской правящей элиты...

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 5. № 452. С. 603.

² ПСЗРИ. Т. 9. 6695.

как длительность, наследственность. Араслан Бекметев прослужил на юго-востоке около 40 лет, Яков Гуляев — более 30 лет, Петр Чучалов — около 30 лет. Последний прошел путь от переводчика до правителя губернской канцелярии и секретаря Оренбургской экспедиции пограничных дел. Писари при казахской элите переходили от ханов и султанов к их сыновьям. Так, выходец из ясачных татар Свияжского уезда Казанской губернии Альмухаммед Нурмухаммедов, приглашенный в 1778 г. Абулхаиром на должность личного секретаря, в течении 11 лет был постоянным писарем, а затем столько же у его сына Нурали. Другой писарь — башкир Ногайской дороги Аббас Сияшев прослужил у Нурали около 30 лет и 11 у его старшего сына Есима. В степной канцелярии Среднего жуза хана Абылая обязанности писаря выполнял с 1760 по 1768 г. челябинский мишарь Мунасиб Мамбетов, за которого хан впоследствии выдал свою дочь¹.

Преемственность занятия должностей в переводческой среде наблюдалась с приказного периода. На Южном Урале данная тенденция будет в большей степени проявляться в XIX столетии, однако уже в рассматриваемых хронологических рамках можно отметить фамилии Третьяковых, Турчениновых, члены семей которых служили канцеляристами, толмачами, переводчиками².

Исполнение поручений и профессиональных обязанностей для «посредников культур» нередко сопровождалось опасностью для жизни. Самый яркий пример — история прибытия миссии Тевкелева к Абулхаиру. Как описывал ее П. И. Рычков: «По прибытии переводчика Тевкелева в киргиз-кайсацкую орду, так скоро, как прознали киргизские старшины о причинах приезда, учинилось у них великое смятение, и часто в многочисленности для убийства оного Тевкелева и бывших с ним, собирались. А при том и на хана своего нападали, за то, что он без ведома и совету их посланцев отправил и <...> о принятии подданства просил, чего они никогда не желали»³. Подвергались риску по долгу службы все представители российской администрации в порубежном регионе. Так, переводчик Гуляев, отправленный в Хиву, был обвинен там в шпионаже и удерживался вместе с купцами до тех пор, пока хивинцев не задержали в Оренбурге⁴. Бекметев, прибытия

которого, как следует из писем казахской знати, ждали в Меньшей орде, из-за непонятных причин оказался в немилости у хана и чуть не лишился жизни: «Сколько не дружны были, но по своей запальчивости обиделись и озлились, собранных калмык (пленных) человек 30-40 казахам отдали, а его Араслана с людьми рассадили в разные кибитки и около 12 дней держал под караулом»⁵.

В XVIII столетии юго-восток неоднократно становился зоной конфликтов. В период волнений, в частности башкирских восстаний, переводчики ездили по деревням с объявлением указов, требованиями правительства, участвовали в карательных экспедициях. Так, толмач И. Дураков, оказавшийся с поручением в восставших волостях в 1736 г., писал о том, что был жестоко избит и чудом избежал смерти⁶.

Итак, проведение успешной внутренней и внешней политики российской администрацией было невозможно без деятельного участия таких категорий, как толмачи и переводчики. Их профессионализм заключался в знании устных тюркских языков, общего для Степи литературного языка — чагатайского тюрки, русской письменной культурной и делопроизводственной традиций. Полномочия и авторитет ведущих специалистов позволяли им выполнять дипломатические, судебные, просветительские, разведывательные функции. На основе анализа источников возможно предположить, что в этническом плане в изучаемых группах преобладали татары, в более позднее время конкуренцию им стали составлять выходцы из башкир и мишарей. Определенный процент из них происходил из аристократических родов (мурзы, князья); часть толмачей являлась муллами или абызами. Конфессиональная принадлежность «посредников» не являлась проблемой для властей. Наоборот, при отправке к включаемым в состав российского государства казахам часто выбор падал именно на мусульман. К концу столетия ситуация несколько изменится и будут высказываться в среде чиновников мнения, согласно которым обучать языкам желательно «природных» русских.

Империя нуждалась в «посредниках», но и для знатной и образованной части интегрируемых этносов данная служба была важна. Представители татарской и башкирской культурных общностей посредством службы при канцеляриях в качестве переводчиков и толмачей получали возможность инкорпорации в сословно-бюрократическую систему российского государства.

⁵ Рычков П. И. История Оренбургская... С. 200.

⁶ Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. № 89. С. 164.

¹ Эпистолярное наследие казахской правящей элиты... С. 32—33.

² Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 4. Ч. 2. Москва: Изд-во АН, 1956. С. 386.

³ Рычков П. И. История Оренбургская... С. 7.

⁴ Крафт И. И. Сборник узаконений... С. 41.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Переводчики и толмачи южно-уральского порубежья XVIII в.

№ п/п	Персоналия	Должность	Дополнительная информация (при наличии): этническая принадлежность, место службы, духовное звание	Годы*
1	Абдрашев Илат	переводчик		1771
2	Абдеш	толмач	Илецк	1771
3	Абдишев Аббас	толмач	мишарь Исетской провинции, писарь при Абылае, мулла	1770—1775
4	Абдрешит	переводчик	Астраханская губернская канцелярия	1773—1774
5	Абдуллин Фейзулла	толмач	каргалинский татарин	1777
6	Абдурахманов Мансур	толмач	ахун	1737—1738
7	Абдусалымов Абульфетх	толмач	каргалинский татарин, мулла, писарь при Ералы хане	1791—1794
8	Абдусалымов Хусаин	толмач	мулла, писарь при Айчувак-хане	1800
9	Акниев Роман	толмач		1745
10	Александров Александр	толмач	Исетская провинциальная канцелярия	1772—1773
11	Аничков Речап	переводчик	служилый тобольский татарин	1760
12	Антонов Филипп	толмач	самарский казак	1737
13	Арапов Матвей	толмач, именуется переводчиком с 1759	Уфимская провинциальная канцелярия	1757—1759
14	Арасланов Усман	толмач, именуется переводчиком с 1750 г.	Оренбургская губернская канцелярия; в 1741 г. участвовал в походе Гладышева в Хиву, был отправлен с миссией к персидскому шаху	1741—1757
15	Артемьев Григорий	толмач	новокрещен Казанского уезда	1735
16	Асанов Мансур	толмач, переводчик	сакмарский казак	1737—1744
17	Аткиив Роман	толмач	осуществлял переводы при полковнике В. Г. Пальчикове	1744
18	Бездрин Егор	толмач	казак	1772
19	Безрядов Спиридон	переводчик	Тобольская канцелярия	1758—1759
20	Бекметев Араслан	переводчик	С 1708 по 1737 гг. служил при Уфимской провинциальной канцелярии, с 1738 по 1745 гг. — при Оренбургской комиссии. Наставник султанов, находящихся в положении аманатов в Орской крепости. Удерживался в течении 1746-1747 гг. в плену у Абулхаира	1708—1747
21	Бектемир	переводчик	башкир	1778—1788
22	Бектемиров Сафер	толмач	служилый татарин д. Адаревой Уфимского уезда	1735
23	Бекчурин Мендияр	переводчик	дипломат, с 1781 г — титулярный советник. В 1780-1781 гг. возглавлял русское посольство в г. Бухару. В 1819 — переводчик при посольстве в Хиву. Автор «Русско-арабско-персидско-мещеряцко-киргизско-хивинско-бухарского глоссария»	1776—1821
24	Бигашев Адил	переводчик	капрал, переводчик при Салавате-Юлаеве	1774
25	Бикмаев Мухамет	переводчик,	подпрапорщик 14-го класса, коллежский советник	1793—1821
26	Биктяшев Кукляш	переводчик	переводчик 8-го класса, надворный советник	1804
27	Богданов Осман	переводчик	мурза	1738
28	Бурнашев Сабангул	переводчик	татарин	1745
29	Васильев Андрей	толмач, с 1777 г. переводчик		1769—1786

* Годы указаны согласно упоминаниям имен переводчиков и толмачей в конечных протоколах документов.

Продолжение табл.

№ п/п	Персоналия	Должность	Дополнительная информация (при наличии): этническая принадлежность, место службы, духовное звание	Годы*
30	Войнов Михаил	переводчик	регистратор	1771—1772
31	Гардеев Александр	толмач	капрал Оренбургского полка	1740
32	Гордеев Филат	толмач, переводчик с 1759		1746-1776
33	Григорьев Петр	толмач		1718
34	Гульчихин Иван	толмач	есаул Уральского казачьего войска	1775
35	Гуляев Яков (Юмагул, Емагул)	переводчик	переводчик с середины 40-х гг Оренбургской губернской канцелярии, позднее — руководитель татарской школы переводчиков в Оренбурге. В 40—60-х гг. отправлялся в казахские жузы с поручениями, собирал информацию, являлся наблюдателем на курултаях султанов. Дипломатический представитель в торговой поездке русских купцов в Хорезм в 1753—1754 гг.	1743—1767
36	Дельной Мансур	переводчик	Оренбургская губернская канцелярия	1750—1751
37	Диянов Иван	переводчик		1787
38	Дойнакай	толмач	писарь хана Пиралы, мулла	1778
39	Дураков Иван	толмач	крестьянин Строгановых	1736—1737
40	Еремеев Аника	толмач	тобольский татарин	1715—1718
41	Ершов Иван	толмач		1742
42	Жуков Петр	толмач		1735
43	Зарывкин Тажбулат	толмач	тобольский служилый татарин	1758—1765
44	Иванов Егор	толмач		1773
45	Иванов Константин	переводчик	Уфимская провинциальная канцелярия	1759—1760
46	Идыркеев Болтай	переводчик	служил при Е. Пугачеве	1773
47	Ижбулатов Юсуп	переводчик	казанский татарин	1715
48	Иманов Артамон	переводчик	коллежский регистратор	1762—1774
49	Исменеев Мамлют	толмач	тобольский служилый татарин	1768
50	Исламов Муртаза	толмач	Мишарь Исетской провинции, мулла, писарь при Вали хане	1784—1788
51	Каменев Алексей	толмач	уфимский конный казак	1735—1737
52	Карабаев Абдрахман	переводчик	Астраханская канцелярия	1742—1743
53	Карман Герасим	толмач	драгун Шешминского полка	1735
54	Касимов Сеит	толмач	Каргалинский татарин, мулла, писарь при Айчувакхане	1758—1777
55	Киржацкий Иван	переводчик		1767—1772
56	Кирилов Семен	толмач		1735
57	Кислой Иван	толмач	татарин	1745
58	Константинов Андрей	переводчик	коллежский советник	1784—1793
59	Кулмаматов Сабанак	переводчик		1776
60	Кулмаматов Аней	переводчик	тобольский юртовский бухаретин	1752
61	Куравский Василий	толмач		1774
62	Кучяров Маметияр	толмач	Служил при Омской крепости, тобольский татарин	1770—1787
63	Ласков Петр	толмач		1762
64	Лобиков Григорий	толмач		1766
65	Максютов Иван	переводчик	князь, служил при канцелярии Оренбургской комиссии	1736—1743
66	Максютов Николай	переводчик		1743
67	Мамешугуров Есуп	толмач	татарин, ахун	1743

Продолжение табл.

№ п/п	Персоналия	Должность	Дополнительная информация (при наличии): этническая принадлежность, место службы, духовное звание	Годы*
68	Мамлин Киленей	толмач	тобольский служилый татарин, мулла, писарь при Конкожа-султানে с 1780 г.	1771—1790
69	Маркович Петр	переводчик	татарин	1778
70	Мартазин Мансур	переводчик	башкир	1761
71	Мамбетов Мунасып	толмач	Мишарь Исетской провинции, писарь при Абылай хане	1760—1769
72	Махмет	толмач	князь	1758
73	Махмутов Иван	переводчик	князь	1739
74	Милушев Мухамет	толмач	драгун, толмач при генерал-поручике Н. Г. Огареве	1788
75	Минеев Дмитрий	толмач	житель Юговских казенных заводов	1774
76	Муратов Илья (Ильяс)	переводчик	мурза, служил при Оренбургской пограничной канцелярии	1791
77	Муратов Лука	переводчик	Коллегия иностранных дел	1792—1803
78	Мутовкин Ларион	толмач		1737
79	Назаров Бака	толмач	тобольский юртовский служилый татарин	1718
80	Найденов Федор	толмач	драгун Оренбургского полка	1736—1740
81	Неустроев Богдан	толмач	тобольский татарин	1715
82	Никитин Иван	толмач	драгун Сибирского полка	1737
83	Нурмухаммедов Алмухаммет	толмач	Казанский ясачный татарин, мулла, служил писарем при Абулхаире до 1748 г., затем при Нурали	1738—1771
84	Ориков Козьма	толмач	служилый мещеряк	1737
85	Богданов Осман	переводчик	мурза, князь	1738
86	Петр Григорьев	толмач		1718
87	Прасолов Леонтий	толмач, переводчик	при Оренбургской губернской канцелярии числился толмачом, при Уфимской провинциальной канцелярии — переводчиком	1748—1766
88	Пулатов Азамат	толмач	мишарь из Исетской провинции, мулла, писарь при хане Абылае	1758—1759
89	Родионов	переводчик		1780
90	Савин Герасим	толмач		1737
91	Сапожников Семен	толмач	яицкий казак	1740
92	Сеин	толмач	мулла	37
93	Сергеев Иван	толмач, переводчик	с 1786 г. служил переводчиком при Оренбургской экспедиции пограничных дел, с 1804 г. — губернский секретарь	1785—1803
94	Сияшев Аббас	толмач	башкир Ногайской дороги, мулла, писарь при Нурали-хане с 1759 по 1786	1759-1794
95	Стариков Дементий	толмач	Уфимская провинциальная канцелярия	1760
96	Суханов Данила	татарский ученик		1771
97	Сюлейманов Абдулхалик	толмач	мулла, писарь при Айчувак-хане	1794
98	Тевкелев Алексей Иванович (Мамед-мурза, Кулмухаметь-мурза)	переводчик	переводчик Коллегии иностранных дел, полковник, бригадир, генерал-майор, помощник начальников Оренбургской комиссии и первого губернатора Неплюева	1720-е — 1766
99	Толмачев Василий	толмач		1770—1772
100	Тонкачев Муса-мурза	переводчик	Астраханская губернская канцелярия	1773—1777
101	Третьяков Василий	толмач	отставной солдат, служил при Уфимской провинциальной канцелярии	1743—1761
102	Третьяков Федор Иванов	толмач, с 1769 г. переводчик	уфимский дворянин, толмач, в 1769 — переводчик, коллежский регистратор	1759—1775

Окончание табл.

№ п/п	Персоналия	Должность	Дополнительная информация (при наличии): этническая принадлежность, место службы, духовное звание	Годы*
103	Трофимов Антон	толмач, переводчик	Исетская провинциальная канцелярия	1766—1773
104	Турченинов Александр	переводчик	регистратор	1745—1762
105	Турченинов Мустофа	переводчик		1730—1732
106	Тусмамеев Ембакей	толмач	тобольский служилый татарин	1763—1778
107	Уразлин Михаил Иванов	переводчик	татарин, служил при Оренбургской губернской канцелярии	1761
108	Уразлин Роман	переводчик	мурза, служил при Уфимской провинциальной канцелярии, с 1737 г — Оренбургской комиссии	1734—1742
109	Уразметев Надыр	толмач	татарин, сотник д. Надыровой Уфимского уезда, мулла	1735—1737
110	Уразметев Таздин	толмач	табынский конный казак	1737
111	Ураков Килмухамет	переводчик	Уфимская провинциальная канцелярия	1730-е — 1745
112	Урмекеев Аитмет	толмач	бухарец	1718
113	Усаев Канзафар	толмач	мишарский сотник, полковник Салавата Юлаева	1774
114	Усманов Ягуда	толмач	мурза, мулла, служилый мишарь Исетской провинции, писарь ханов Абылая и Вали	1778—1809
115	Феткуллин Губайдулла	толмач	татарин, писарь при Есим-хане	1797
116	Халпеть	толмач	тобольский юртовский бухаретин, мулла	1715
117	Хальфин Сагитт	переводчик	Казанская канцелярия	1773
118	Чурагул	толмач	татарин Казанского уезда	1774
119	Чучалов Петр	переводчик	переводчик Оренбургской губернской канцелярии с 50-х гг., титулярный советник с 70-х гг., надворный советник с 1785 г., правитель губернской канцелярии, секретарь Оренбургской экспедиции пограничных дел	1755—1785
120	Шульгин Илья	толмач	казак Ямышевской крепости,	1745
121	Юсупов Ибрай	толмач		1736—1737
122	Ясырев Василий	переводчик	Оренбургская экспедиция пограничных дел	1794—1804
123	Яковлев Андрей	переводчик	капитан, служил при Оренбургской комиссии	

Источники приложения: Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 4, 5 / сост. Н. Ф. Демидова. Москва : Изд-во АН, 1956—1960; Материалы по истории Башкортостана. Т. 6 / сост. Н. Ф. Демидова ; под ред. Н. В. Устюгова. Уфа : Изд-во АН, 2002; Материалы по истории Казахской АССР (1785—1828). Т. 4 / под рук. М. В. Вяткина. Москва ; Ленинград, 1940; Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675—1821 гг. : сб. док. : в 2 т. / сост. И. В. Ерофеева, Алматы : АБДИ Компани, 2014.

Список литературы

1. Бейсембиев, Т. К. Среднеазиатский (чагатайский) юрки и его роль в культурной истории Евразии (взгляд историка) / Т. К. Бейсембиев // Тюркологический сборник. 2006. Москва, 2007.
2. Веселовский, Н. И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России / Н. И. Веселовский. Санкт-Петербург : Тип. Пантелеевых, 1879.
3. Ерофеева, И. В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик / И. В. Ерофеева. Алматы, 1999.
4. Исследования по истории Башкирии XVII—XIX вв. / под ред. С. М. Васильева, Х. Ф. Усманова. Уфа, 1973.
5. Куненков, Б. А. Переводчики и толмачи Посольского приказа во второй четверти XVII в.: функции, численность, порядок приема / Б. А. Куненков. URL: <http://mkonf.iran.ru/papers.php?id=50> (дата обращения: 12.03.2020).
6. Султангалиева, Г. Деятельность башкирских переводчиков и письмоводителей в Казахстане в процессе взаимодействия культур (XVIII—XIX вв.) / Г. Султангалиева. Уфа, 2005.

7. Татарский энциклопедический словарь. Казань : Ин-т Татарской энциклопедии АН РТ, 1998.
8. Трепавлов, В. В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV—XVIII вв. / В. В. Трепавлов. Москва, 2007.
9. Хисамова, Ф. М. Татарский язык в восточной дипломатии России XVI—XIX вв. / Ф. М. Хисамова. Казань, 1999.

Сведения об авторе

Осипова Яна Вячеславовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. *yana_osipova@mail.ru*

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2020. No. 1. P. 7—19.

«Lost in translation»: translators as mediators of cultures on the southeastern border of the Russian empire in the 18th century

Ya. V. Osipova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. yana_osipova@mail.ru

The interaction problem of the imperial center and the periphery, as a whole of cultural contacts in multiethnic areas, has many aspects, one of which is linguistic. Traditionally, the territory of the South Ural is a Turkic-speaking zone.

In the South Ural in the 18th century, translators were intermediaries between the Russian administration and local ethnic groups: Bashkirs, Tatars, Kazakhs and other peoples. The article discusses competencies, functioning problems, ethnic composition, denominational affiliation of such groups as translators and interpreters. The Appendix was compiled on the basis of information from the paperwork which collected brief data on more than 100 representatives of this social category.

Keywords: *empire, integration of foreign-language territories, cultural contacts, translators, interpreters, Southern Urals in the eighteenth century.*

References

1. Bejsembiev T.K. Sredneaziatskij (chagatajskij) jurki i ego rol' v kul'turnoj istorii Evrazii (vzgljad istorika) [Central Asian (Chagatai) yurki and its role in the cultural history of Eurasia (historian's view)] // *Tyurkologicheskij sbornik* [Turkic collection], 2006. Moscow, 2007. (In Russ.).
2. Veselovskij N.I. *Svedenija ob oficial'nom prepodavanii vostochnyh jazykov v Rossii*. [Information about the official teaching of oriental languages in Russia]. St. Petersburg, Tipografija Panteleevyh, 1879. (In Russ.).
3. Erofeeva I.V. *Han Abulhair: polkovodec, pravitel' i politik*. [Khan Abulhair: commander, ruler and politician]. Almaty, 1999. (In Russ.).
4. *Issledovanija po istorii Bashkirii XVII—XIX vv.* [Studies on the history of Bashkiria XVII—XIX centuries]. Ufa, 1973/ (In Russ.).
5. Kunenkov B.A. *Perevodchiki i tolmachii Posol'skogo prikaza vo vtoroj chetverti XVII v.: funkcii, chislennost', porjadok priema* [Translators and interpreters of the Ambassadorial order in the second quarter of the 17th century: functions, numbers, admission order]. Available at: <http://mkonf.iriran.ru/papers.php?id=50>, accessed 12.03.2020. (In Russ.).
6. Sultangalieva G. *Dejatel'nost' bashkirskih perevodchikov i pis'movoditelej v Kazahstane v processe vzaimodejstvija kul'tur (XVIII—XIX vv.)* [Activity of Bashkir translators and writers in Kazakhstan in the process of interaction of cultures (XVIII—XIX centuries)]. Ufa, 2005. (In Russ.).
7. *Tatarskij jenciklopedicheskij slovar'* [Tatar Encyclopedic Dictionary]. Kazan', Institut Tatarskoj jenciklopedii AN RT, 1998 (In Russ.).
8. Hisamova F.M. *Tatarskij jazyk v vostochnoj diplomatii Rossii XVI—XIX vv.* [Tatar language in the eastern diplomacy of Russia of the 16th and 19th centuries]. Kazan': 1999. (In Russ.).